

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1959

И. М. ОРАНСКИЙ
ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ТАДЖИКСКОГО
И ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКОВ
В ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Основанный в 1819 г. Петербургский университет был не первым и не единственным в России центром изучения и преподавания иранских языков.

Сбор материалов по иранским языкам и подготовка лиц, практически владеющих этими языками (преимущественно персидским), начались еще в эпоху Петра I¹. С 1804 г. преподавание восточных языков, в том числе и персидского, было введено в устав русских университетов и в течение нескольких десятилетий осуществлялось в Московском, Казанском и Харьковском университетах. Однако развитие иранского языкознания в Петербургском университете уже с первых десятилетий его существования имело некоторые важные особенности, сочетание которых сделало его важнейшим центром исследования и преподавания иранских языков. Прежде всего необходимо отметить непрерывность преподавания иранских языков на всем протяжении стосорокалетнего существования университета².

Основным предметом, преподававшимся в течение всего этого времени, был язык произведений богатейшей персидской и

¹ См.: С. К. Булич, *Очерк истории языкознания в России*, т. I, СПб., 1904; Н. И. Веселовский, *Сведения об официальном преподавании восточных языков в России*, СПб., 1879; «Материалы для истории Факультета восточных языков», т. IV, СПб., 1909.

² Непрерывность преподавания была важным преимуществом Петербургского университета по сравнению с другими университетами России. Преподавание персидского языка в Московском университете, начатое в 1811 г. А. В. Болдыревым, прекратилось в 1837 г. в связи с его отставкой; оно было возобновлено лишь в 1852 г., с восстановлением кафедры восточных языков и переходом на нее П. Я. Петрова, но опять прервалось с его смертью (1875). Еще более кратковременным было изучение персидского языка в Харьковском университете (1829—1836), прекратившееся в связи с переездом проф. Б. А. Дорна в Петербург. Преподавание персидского языка в Казанском университете и 1-й Казанской гимназии, в Ришельевском (Одесса) лицее (и гимназии при нем) было прекращено в 1855 г. в связи с учреждением факультета восточных языков в Петербурге. По указу об учреждении факультета восточных языков ему были переданы востоковедные библиотеки Казанского университета и Ришельевского лицея,

таджикской классической литературы (Рудаки, Фирдоуси, Саади, Хафиз, Джелал-эд-Дин Руми, Аттар, Хайям и др.), исторических и научных сочинений (Нершахи, Бейхаки, Рашид-эд-Дин, Хондемир, Мирхонд и др.)³.

Успешному развитию в Петербургском университете иранского языкознания, в том числе и науки об истории таджикского и персидского языков, благоприятствовало и то обстоятельство, что здесь изучались (в большей или меньшей степени) почти все современные («живые») и древние («мертвые») иранские языки. Профессора, преподаватели, сотрудники и воспитанники Университета вовлекли в круг изучения, а частично и преподавания курдский⁴, осетинский⁵, афганский⁶, прикаспийские⁷ и центральные⁸ диалекты Ирана, ягнобский⁹, памирские¹⁰, белуджский и мунджанский¹¹ языки.

В 60-е годы прошлого века профессор Петербургского университета К. А. Коссович впервые в России начинает преподавание древних иранских языков: «зендского» (как назывался тогда язык Авесты)¹² и древнеперсидского. В 1875—1876 гг.

³ Как известно, вплоть до последнего времени язык всей этой обширной литературы именовался персидским (новоперсидским). Однако он является прямым предшественником современного персидского языка в той же мере, как и современного таджикского. То же можно сказать и о предшествующих эпохах развития этого языка («среднеперсидский», представленный памятниками III—IX в. н. э.; «древнеперсидский», представленный памятниками VI—IV вв. до н. э.). В этом смысле и следует понимать в дальнейшем термины «новоперсидский», «среднеперсидский», «древнеперсидский».

⁴ Начиная с известного труда П. И. Лерха «Исследование об иранских курдах и их предках северных халдеях» (т. I, II, III, СПб., 1856—1858).

⁵ Начиная с работ П. И. Лерха и К. Г. Залемана.

⁶ Начиная с трудов акад. Б. А. Дорна (40-е годы XIX в.).

⁷ И. Н. Березин, Б. А. Дорн, Г. В. Мельгунов, Гештасп Мирза Шафи. Материалы русских исследователей прикаспийских диалектов Ирана также имели большое значение для развития иранского языкознания и через сорок лет после частичного их опубликования (1860—1863) были использованы в сводном международном труде по иранской филологии «Gg. d. ir. Phil.» (Bd I, Abt. 2).

⁸ В. А. Жуковский, А. А. Ромаскевич.

⁹ Начиная с трудов акад. К. Г. Залемана, использовавшего материалы по ягнобскому языку, собранные, главным образом, воспитанниками факультета, работавшими в Б. Туркестанском крае — А. Л. Куном (1870), Н. И. Веселовским (1885) и Е. Ф. Калем (1887).

¹⁰ Также начиная с К. Г. Залемана, издавшего в 1895 г. «Шугнанский словарь Д. Л. Иванова». Основные работы по памирским языкам относятся уже к советской эпохе (И. И. Зарубин).

¹¹ Начало изучения последних относится уже к советской эпохе и связано с именем И. И. Зарубина.

¹² После К. А. Коссовича языком Авесты занимались в Петербургском университете акад. К. Г. Залеман и его ученики.

К. Г. Залеман присоединяет к ним «пехлевийский» (среднеперсидский) язык. Примерно в это же время (1868) П. И. Лерх зачитал на одном из заседаний Русского археологического общества доклад «Соображения о сходстве и отличиях древнего согдийского и хорезмского языка сравнительно с языками зендским, древне-парским и пеглевийским»¹³ — первое в отечественной науке исследование о древних иранских языках Средней Азии¹⁴. Меньшее внимание уделялось изучению саксо-тохарских диалектов, но и в эту область иранского языкознания ученые университета (А. А. Сталь-Гольштейн) внесли свой вклад, на сорок лет предвосхитив вывод западноевропейских языковедов о принадлежности тохарского языка к иранским¹⁵.

Таким образом, наряду с основным предметом преподавания — языком персидской и таджикской классической литературы — в Петербургском—Ленинградском университете за время его существования были представлены почти все живые¹⁶ и древние иранские языки, что создавало прочную базу для развертывания работ в области исторического иранского языкознания.

Во второй половине XIX в. на Факультете восточных языков твердо установился исторический подход к изучению языка. «Самое преподавание языков, — писали в 1876 г. профессора В. В. Григорьев и К. А. Коссович, — не ограничивается у нас обучением тому или другому из них в его современном фазисе: нынешняя степень развития каждого языка объясняется развитием его в предыдущие эпохи, его наречиями и языками родственными»¹⁷. Эти сказанные более 80 лет тому назад слова во многом отвечают нашим современным представлениям о задачах и методах языкознания. Сравни у Ф. Энгельса: «„материя и форма родного языка“ только тогда могут быть поняты, когда прослеживают его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его

¹³ См.: «Известия ИРАО», т. VII, стр. 296—297.

¹⁴ После П. И. Лерха согдийским занимались К. Г. Залеман и воспитанник Факультета Ф. А. Розенберг. Основные отечественные труды по согдийскому и хорезмийскому языкам относятся уже к советской эпохе и связаны с именем А. А. Фреймана.

¹⁵ См.: А. А. Фрейман, *Тохарский вопрос и его разрешение в отечественной науке* («Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук», вып. 3, 1952, стр. 123—135).

¹⁶ За исключением, пожалуй, только татского и талышского.

¹⁷ Из записки профессоров Григорьева и Коссовича в Комиссию по пересмотру устава российских университетов 1863 г. («Урнаны заседаний Комиссии по пересмотру университетского устава в 1876 году»; Приложение к журналу № 38) (Подчеркнуто нами. — И. О.).

собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки»¹⁸.

Развитию исторического языкознания на Факультете способствовала и общая историко-филологическая направленность петербургского востоковедения. Язык изучался не только сам по себе, но и как средство познания истории народа, истории его духовной культуры. Показательна в этом отношении речь, произнесенная 31 марта 1833 г. первым в Петербургском университете профессором персидского языка Ф. Б. Шармуа¹⁹. Изложенные в этой речи принципы использования восточных языков для изучения истории вообще и истории народов России, в частности, осуществлялись (разумеется, на уровне своего времени) и в работах самого Шармуа²⁰, и в работах его учеников по языку — П. С. Савельева²¹ и особенно В. В. Григорьева²².

Глубокое понимание историко-филологических задач востоковедения особенно утвердилось после создания в 1855 г. Факультета восточных языков: «Предметы по части востоковедения, образующие в С.-Петербургском университете особый самостоятельный факультет, не состоят только из языков... Наш факультет объемлет, кроме всестороннего изучения языков Востока, и все предметы, раскрывающие и объясняющие полную совокупность явлений, характеризующих бытовую и государственную жизнь восточных народов во все эпохи ее развития»²³. (Авторы «Записки» предлагали, между прочим, изменить название Факультета, переименовав его из «Факультета восточных языков» в «Восточный факультет» — предложение, осуществившееся лишь в 1944 г.). Горячим поборником историко-филологического направления в востоковедении был и В. Р. Розен, орга-

¹⁸ Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV), стр. 327.

¹⁹ «Sur l'utilité des langues orientales pour l'étude de l'histoire de Russie» (напечатано отдельно в 1834 г.).

²⁰ См. напр., его «Relation de Masoudy et d'autres auteurs musulmans sur les anciens slaves», «Expédition de Timour-i Lénk... contre Toqtamische... en 793 de l'héïre» («Mém. de l'Acad. des sciences», VI Sér..., t. II, p. 297—408; t. III, p. 69—505, 1833—1835).

²¹ См., напр., его удостоенный академической премии труд «Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории I. Топография кладов с восточными монетами и изделиями VII, VIII, IX, X, XI века...», СПб., 1846. — В приложении к этой работе «О пехлевийских надписях на монетах Табаристана» (стр. 129—143) автор делает попытку разобраться в пехлевийских легендах монет, что имеет уже непосредственное отношение к истории языка.

²² См., напр., «История монголов от древнейших времен до Тамерлана». Пер. с персидского [В. В. Григорьева], СПб., 1834.

²³ Из цит. выше «Записки» профессоров В. В. Григорьева и К. А. Косовича в Комиссию по пересмотру устава Российских университетов.

низатор и воспитатель целой школы петербургских востоковедов конца прошлого и начала нынешнего века. «Востоковедение есть только и исключительно одна из ветвей историко-филологической науки». «Нужна поэтому тесная связь ориенталистов с филологами»²⁴, — писал он в одной из своих статей. Следуя принципам комплексного историко-филологического изучения Востока, многие ученые университета, вписавшие блестящие страницы в историю изучения и преподавания иранских языков, были одновременно (и часто преимущественно) историками, археологами, нумизматами, этнографами, литературоведами, фольклористами и т. д. Достаточно назвать имена Лерха, Григорьева, Жуковского.

Совокупность всех этих условий — непрерывность преподавания иранских языков, широта кругозора профессорско-преподавательского состава и студентов-иранистов Петербургского университета, знакомство их с древними и современными иранскими языками, основательная историко-филологическая подготовка — создавала необходимые предпосылки для успешного развертывания работы по изучению истории иранских языков²⁵.

Научно-педагогическая практика Петербургского университета в наибольшей мере (по сравнению с другими учебными заведениями) удовлетворяла важнейшим требованиям, необходимым для развития исторического языкознания. Этим и объясняется, что именно Факультет восточных языков Петербургского университета явился крупнейшим в России центром изучения и преподавания истории иранских языков, в первую очередь истории персидского и таджикского²⁶.

²⁴ «О восточном факультете и восточных кафедрах» (ЖМНП, 1891, январь, стр. 163).

²⁵ Важную роль сыграла также доступность для ученых Петербургского университета богатейших востоковедных фондов Азиатского музея Академии наук (с 1930 г. — Институт востоковедения АН СССР), Эрмитажа, Публичной библиотеки (ныне Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), Учебного отделения восточных языков при Министерстве иностранных дел. По замечанию акад. В. В. Бартольда, «число восточных рукописей, находящихся в Ленинграде, настолько значительно, что Ленинграду в этом отношении принадлежит одно из первых, если не первое место среди европейских городов» (В. В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и России*, Л., 1925, стр. 286).

²⁶ Все работавшие в этой области сотрудники Азиатского музея Российской Академии наук были воспитанниками и почти все — преподавателями Университета. Из ученых, занимавшихся историей таджикского и персидского языков вне Петербургского университета, можно назвать академиков Ф. Е. Корша (1843—1915) и В. Ф. Миллера (1848—1913) и проф. Л. Э. Мсерянца, оставивших несколько трудов по древнеиранским языкам. Существенно при этом отметить, что Корш и Миллер учились персидскому языку у известного востоковеда П. Я. Петрова (1814—1875),

Определяющим моментом при построении истории языка является вопрос об изученности памятников данного языка, особенно древних, обычно малочисленных и представляющих наибольшие трудности для исследования.

История таджикского и персидского языков представляет в этом отношении особенно трудный, но и особенно благодарный материал, ибо она засвидетельствована подлинными письменными памятниками на протяжении двух с половиной тысячелетий начиная с VI в. до н. э. и до наших дней. Ученые Петербургского университета внесли в изучение истории таджикского и персидского языков (особенно в изучение среднего периода их развития) выдающийся общепризнанный вклад.

Интерес к раннему периоду развития персидского языка наблюдается уже в 40-е годы XIX в. Об этом можно судить, между прочим, по темам, предложенным слушателям Петербургского университета «для соискания наград медалями и почетными отзывами». Так, в 1845—1846 гг. по кафедре Восточной словесности была предложена тема: «Определить характер и дух персидского языка в период самобытного его развития при Сасанидах, на основании немногих сочинений, в коих сохранился первоначальный его вид, свойственный означенной эпохе, и показать перемены, происшедшие во внутреннем его составе от смешения с чужими ему формами арабского языка». В эти же годы ученик Ф. Б. Шармуа и О. И. Сенковского²⁷ — П. С. Савельев занимается разбором пехлевийских легенд на монетах Табаристана²⁸, пишет небольшие заметки об иранских древностях²⁹. Материалы таджикского героического эпоса («Авеста», «Шах-намэ») были использованы также кандидатом Петербургского университета И. Зиновьевым, защитившим в 1855 г. диссертацию «Эпические сказания Ирана» на соискание ученой степени магистра восточной словесности.

Выбор подобных тем свидетельствует о знакомстве слушателей с памятниками таджикского и персидского языков средне-

изучавшего в 1834—1838 гг. персидский язык у профессоров Петербургского университета Ф. Б. Шармуа и Мирзы Джафара Толчибашева.

²⁷ Известный востоковед, писатель и журналист О. И. Сенковский (1800—1858) был принят профессором университета в 1821 г. после ухода в отставку Шармуа и Деманжа. Характеристику его деятельности см. в кн. «Очерки по истории русского востоковедения», М., 1953, стр. 12 и след.

²⁸ См. примечание 21. Разбор упомянутого здесь сочинения П. С. Савельева напечатан в журнале «Финский вестник» (1847, т. XVI, № 4, Библиографическая хроника, стр. 18—39).

²⁹ В различных энциклопедиях и периодических изданиях.

иранского языкового периода, отчасти с Авестой. Возможно в университете были живы еще в то время традиции Шармуа, возможно, и влияние О. И. Сенковского, роль которого в изучении истории таджикского языка еще недостаточно выяснена. Между тем Сенковский был первым ученым, обратившим внимание на особенности «персидского» языка среднеазиатских авторов (*Le persan de Bukharie*), являясь в этом отношении предшественником В. В. Григорьева. Еще в 1824 г. в издании фрагментов из «Тезкире-и Муким-Хани» (XVIII в.) Сенковский отметил некоторые лексические и грамматические особенности в языке этого произведения (в частности, употребление причастий *na-gi:istodagi, farmudagi*), свойственные таджикскому языку в отличие от персидского³⁰.

Официальное преподавание древнеиранских языков было начато в 1863 г., уже после учреждения Факультета восточных языков. Однако работа по древнеиранским языкам сосредоточивалась не на кафедре персидской словесности³¹, а на кафедре санскритской словесности; изучением их занимались студенты санскритско-персидского (с 1885 г. — санскритско-персидско-армянского) разряда. Этот разряд был открыт по представлению Факультета восточных языков с целью «сравнительного изучения языков арийского семейства». Главными предметами здесь были санскрит и персидский язык; в 1863 году к ним были присоединены «зандский» (как тогда неправильно назывался язык Авесты) и древнеперсидский, в 1870 г. — древ-

³⁰ См. его «Supplément à l'histoire générale des huns, des turks et des mogols, contenant un abrégé de l'histoire de la domination des uzbéks dans la Grande Bukharie...», SPb., 1824 (приложение к кн.: «Объявление публичного преподавания наук в Императорском Санктпетербургском университете на сей 1824 год от исправляющего должность ректора и Совета», СПб., 1824).

³¹ Большинство представителей этой кафедры — Мирза Джафар Топчибашев (преподавал в университете в 1819—1849 гг.), сменивший его на кафедре А. К. Казем-бек (проф. кафедры персидской словесности Петербургского университета с 1849 по 1870 г.) и преемник последнего по кафедре С. И. Черняев — по характеру своих интересов были далеки от исторического языкознания. Среди многочисленных трудов самого выдающегося из них — проф. Казем-бека мы не находим почти ни одной работы языковедческого (тем более историко-языковедческого) характера. Преподавание здесь носило преимущественно практический характер, о чем писал (1864 г.) и сам Казем-бек: «Как лектор Мирза Шафи, так и проф. Казем-бек будут обращать усиленное внимание на основательное знание гг. слушателей (sic!) живого персидского языка, на правильное их произношение во время чтения и разговора и, наконец, на сознательный и наилучший способ передачи идей с одного языка на другой при словесных переводах, что необходимо для приготовления переводчиков...» (цит. по кн.: «Материалы...», т. IV, стр. 148—149).

неармянский, в 1876 г. — «пехлевийский» (т. е. среднеперсидский) С 1884 г. на третьем и четвертом семестрах читался также курс сравнительного языкознания.

Инициатива организации этого разряда и заслуга введения преподавания древнеиранских языков принадлежит К. А. Коссовичу (1815—1883). Окончив в 1836 г. Московский университет со степенью кандидата, К. А. Коссович долгое время был учителем греческого языка в различных гимназиях, а с 1858 г. безвозмездно преподавал санскрит в Петербургском университете. В 1860 г. Коссович был назначен «исправляющим должность» экстраординарного профессора по кафедре санскритской словесности, с 1864 г. он — доктор сравнительного языкознания и экстраординарный профессор, с 1866 г. — ординарный профессор по кафедре санскритской словесности. Коссович много внимания уделял организации преподавания, расширению лингвистического кругозора студентов-индологов. В составленную им программу занятий по санскритской словесности входил, между прочим, и следующий пункт: «Язык вед. его отношение к санскриту и сравнение с зендским». Отсюда становится понятным путь, которым пришел Коссович к изучению древнеиранских языков — авестийского и среднеперсидского: он отталкивался от близко им родственных древних индийских языков, главным образом от ведического санскрита. В приложении к составленной Коссовичем совместно с Григорьевым упоминавшейся выше «Записке» содержался проект плана распределения дисциплин на предлагавшемся ими «Восточном факультете». Этот план, высоко оцененный впоследствии акад. С. Ф. Ольденбургом, включал в числе прочих дисциплин и следующие: древнеиранская словесность (языки зендский и пехлевийский, ахеменидская клинопись); новоперсидская словесность (современный персидский язык и его литература; характеристика новоперсидских наречий: мазандеранского, гилянского и др.)³².

Еще до начала преподавания древнеиранских языков в Университете Коссович издал первую в России работу по Авесте³³, за которой последовал вскоре ряд других³⁴, служивших отчасти учебными пособиями.

³² Мазандеранский и гилянский языки считались в то время диалектами персидского языка.

³³ «Четыре статьи из Зенд-Авесты, с присовокуплением транскрипции, русского и латинского переводов, объяснений, критических примечаний, санскритского перевода и сравнительного глоссария», СПб., 1861.

³⁴ «Decem Sendavestae excerpta; latine vertit, sententiarum explicationem et criticos commentarios adjecit, textumque archetypi, recensuit Dr. C. Kossowicz», Paris, 1865; «Gata ahunavaiti», СПб., 1867 и «Gata uštavaiti», СПб., 1869.

Язык Авесты не является, как известно, прямым предшественником таджикского и персидского языков. Однако, вследствие чрезвычайной близости его грамматического строя и словарного состава к грамматическому строю и словарному составу древнеперсидского языка, изучение Авесты крайне важно для исследований в области истории таджикского и персидского языков. Дешифровка памятников ахеменидской клинописи стала возможна лишь благодаря сравнению их с Авестой. Тесно связано с авестийскими материалами и изучение памятников таджикского и персидского языков среднеиранского языкового периода, состоящих в значительной мере из переводов Авесты или сюжетно связанных с ней произведений. Без привлечения материалов Авесты невозможна сколько-нибудь плодотворная работа в области изучения культурно-исторических условий жизни древних предков таджикского народа, в области истории таджикского и персидского языков и литературы³⁵.

Коссовичу принадлежит первое в отечественной науке издание древнейших памятников таджикского и персидского языков — клинообразных надписей VI—IV вв. до н. э.³⁶

Заслуги Коссовича в изучении древнеиранских языков были полностью признаны его современниками. Посвящая ему свою монографию «О скифском народе саках», В. В. Григорьев писал: «Каэтану Андреевичу Коссовичу Первому в России исследователю арийской древности в ее старо-бактрийских и старо-персидских памятниках посвящает автор как дань глубокого уважения к его учености, талантам и характеру настоящий труд свой об одном из арийских народов древнего Востока»³⁷.

В. В. Григорьев (1816—1881), известный, главным образом, своими историческими трудами, оставил след и в изучении истории таджикского языка. Опубликованная им в 1861 г. запись рассказа бухарского купца об исторических событиях середины XIX в.³⁸ представляет собой ценный материал для занимающихся исследованиями живой таджикской речи того времени.

Дальнейшее изучение древних иранских языков в универ-

³⁵ См., например, Б. Г. Гафуров, *История таджикского народа в кратком изложении*, т. I, изд. 2-е, М., 1952, стр. 23—30.

³⁶ «Inscriptiones Palaeo-Persicae Achaemenidarum quot hucusque repartae sunt... archetyporum typis primus edidit et explicavit», Petropoli, MDCCCLXXII.

³⁷ В. В. Григорьев, *О скифском народе саках*, СПб., 1871.

³⁸ «О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Записки Мирзы Шемса Бухари, изданные в тексте с переводом и примечаниями В. В. Григорьевым», Казань, 1861.

ситете связано с именем К. Г. Залемана (1849—1916). Во время прохождения университетского курса Залеман занимался санскритом и «зендским» языком под руководством Коссовича, но в еще большей мере его учителем был библиотекарь университета П. И. Лерх. С января 1876 г. Залеман приступил к чтению лекций в звании приват-доцента по зендской и пехлевийской словесности и с тех пор на протяжении 40 лет до самой кончины ежегодно объявлял в обозрениях преподавание курсов по языкам «зендскому»³⁹ и пехлевийскому.

Как явствует из протоколов заседаний Совета Петербургского университета Залеман уже в первые годы своей преподавательской деятельности (с 1876 г.) излагал студентам грамматику языка Авесты, читал и переводил «Decem Excerpta» Коссовича, толковал пехлевийский перевод Ясны, занимался разбором форм пехлевийского языка и (что для нас особенно важно) «объяснял грамматику пехлевийского языка в сравнении с новоперсидским».

В 80-е годы XIX в. иранистические дисциплины, читавшиеся в основном Залеманом, были представлены в учебных планах санскритско-персидского разряда с исчерпывающей для того времени полнотой:

«Зендский» язык. Грамматика и тексты по «Handbuch» Гейгера (третий семестр), толкование Вендидада (четвертый и пятый семестры), Яштов (шестой и седьмой семестры), Гат (восьмой семестр).

«Клинообразные надписи первой системы» (т. е. древнеперсидские клинообразные надписи ахеменидской эпохи).

«Пехлевийский» язык. Грамматика (пятый семестр), толкование «Арда-Вираф-намэ» (шестой и седьмой семестры), «Йошт-и Фриян» (седьмой семестр), «Бундахишн», «Менохирад» и другие памятники (восьмой семестр).

Персидский язык. Грамматика (третий семестр), чтение отрывков из хрестоматии Болдырева (четвертый семестр), «Гулистан» Саади, «Шахнамэ» Фирдоуси и «упражнения по древнейшим памятникам новоперсидской словесности» (пятый и шестой семестры), произведения Хафиза (седьмой семестр).

Таким образом преподавание охватывало все этапы развития иранских языков, с VI в. до н. э. по XIV—XV вв. включительно. В сравнении грамматического строя пехлевийского и новоперсидского языков можно видеть зачатки складывающегося курса истории таджикского и персидского языков.

³⁹ До 1907 г. включительно, когда термин «зендский» был заменен правильным «авестийский».

После введения устава 1884 г. от экзаменующихся по санскритской словесности требовались следующие познания в области иранских языков: «Полное знакомство с грамматическим строем зендского языка в сравнении с древнеперсидским и санскритским», переводы из Яштов и Вендидада «с этимологическим объяснением форм и слов», из древнеперсидских клинообразных надписей, из памятников среднеперсидской литературы; «полное знакомство с грамматикой ново-и среднеперсидского языка». При переводах древнеармянских текстов также требовался сравнительный анализ древнеармянского с иранскими языками. По положению от 4 января 1864 г. «зендский» язык был одним из главных предметов, по которым сдавались испытания на степень магистра санскритской словесности. С 1875 г. «зендский» язык входил также в программу испытаний на степень магистра армянской словесности.

Все это свидетельствует об исключительно высоком уровне преподавания иранистических дисциплин в Петербургском университете.

К. Г. Залеман оставил богатейшее научное наследство, охватывающее материалы и исследования по многочисленным живым и древним иранским языкам, в том числе по всем эпохам развития персидского и таджикского языков. По своим научным интересам Залеман был главным образом лингвистом, историком языка. В едва ли не единственной его литературоведческой работе («Четверостишия Хакани», магистерская диссертация, 1875) основное внимание уделяется не столько выводам историко-литературного характера, сколько вопросу о необходимости изучения языка таджикских и персидских поэтов для обогащения «имеющихся пока у нас грамматик и словарей»⁴⁰. Вопросам лексикографии Залеман придавал очень большое значение и одной из важнейших задач иранской филологии считал изучение памятников средневековой лексикографии («ферхенгов»), отображающих лексический состав языка таджикской и персидской классической литературы⁴¹.

Залеман предполагал издать целую серию важных лексикографических источников, в том числе полностью подготовленный им к опубликованию древнейший памятник таджикско-персидской лексикографической литературы — словарь Асади Туси, но

⁴⁰ «Четверостишия Хакани». Издал и перевел К. Залеман, СПб., 1875, особенно стр. 29—36.

⁴¹ См., напр., его рец. на «Persische Studien» де Лагарда (LOPh, Bd. II, 1884, S. 74—86) и работу «Bericht über die Ausgabe des Mi'jâr i Jamâlî («Mél. asiat.», t. IX, 1888, p. 417—594 + 1 Tabl.).

в силу ряда обстоятельств этот замысел не был доведен до конца ⁴².

Изучение грамматического строя языка таджикской и персидской классической литературы дало материал для создания лучшей из существующих грамматик языка этого периода, написанной К. Г. Залеманом совместно с В. А. Жуковским ⁴³. Авесте и ахеменидским клинообразным надписям Залеман посвятил «Очерк истории древнеперсидской или иранской литературы», где дал, между прочим, первый перевод на русский язык Бехистунской надписи ⁴⁴. Очерк этот был составлен настолько удачно, что еще 30 лет спустя им смог воспользоваться для второго издания своей «Истории Древнего Востока» известный русский историк Б. А. Тураев.

Важнейшие научные работы Залемана посвящены изучению памятников таджикского и персидского языков среднеиранской языковой эпохи. Уже первые его работы в этой области, в частности, доклад на третьем Международном съезде ориенталистов в Петербурге (1876 г.) и статья «Über eine Parsenhand-schrift der K. Öffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg» ⁴⁵, заставили в корне изменить взгляды на пехлевийскую лексикографию ⁴⁶ и положили начало строго научному ее изучению.

Одной из важнейших задач при изучении языка этого периода Залеман считал установление текста и его произношения. Именно ему принадлежит заслуга окончательного определения идеограмматического характера письма пехлевийских текстов. Еще в 1880 г. в упомянутой работе ⁴⁷ Залеман утверждал, что все арамейские слова, встречающиеся в пехлевийских текстах, являются только условными знаками, идеограммами для соот-

⁴² Вышли в свет только один из древнейших ферхенгов *شمس و فخری* Шемс-и Фахри («Shams i Fachrii Ispahânen-sis Lexicon Persicum»), fascic. prior, Casani, 1887) и словарь Абдулкадира Багадского к «Шах-намэ» (Abdulqâdiri Bâgdadensis Lexicon Sahnâmianum, t. I, 1895).

⁴³ C. Salemann und V. Shukovsky, *Persische Grammatik mit Litteratur, Chrestomathie und Glossar*, Berlin, 1889. Годом позже вышло в свет в несколько переработанном виде русское издание («Краткая грамматика новоперсидского языка с приложением метрики и библиографии», СПб., 1890).

⁴⁴ Помещено в издании «Всеобщая история литературы», вып. I, СПб., 1880, стр. 157—190.

⁴⁵ Напечатано в кн.: «Труды третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге 1876 г.», т. II, СПб., 1879, стр. 493—592.

⁴⁶ См., напр. Н. Junker, *Frahang-i pahlavik*, Heidelberg, 1912. Introduction, S. 1.

⁴⁷ См.: К. Г. Залеман, *Очерк истории древнеперсидской или иранской литературы*, стр. 187.

ветствующих иранских слов и что они никогда не читались и не произносились иначе как по-ирански. Дальнейшая работа над памятниками пехлевийского письма все более убеждала его в правильности такой точки зрения, и в 1886 г.⁴⁸ Залеман делает первую в истории науки попытку транскрибировать пехлевийские тексты (Mađiŋan-i šatrang и др.) только по-ирански, т. е. заменяя арамейские слова иранскими эквивалентами. В своем знаменитом труде «Mitte'persisch»⁴⁹ Залеман категорически отвергает мнение о смешанном характере среднеперсидского языка и доказывает, что встречающиеся в текстах семитические (арамейские) слова существовали только в письменности и реально никогда не произносились. Основными доводами в пользу этой точки зрения Залеман считал чисто механическую трактовку семитских слов в пехлевийских текстах и присоединение к ним иранских флексий; отсутствие в последующие эпохи развития языка каких-либо следов арамейских слов; наличие специальных глоссариев (ферхенгов), толкующих по-ирански эти арамейские слова; взаимозаменяемость арамейских слов (идеограмм) и соответствующих иранских и, наконец, свидетельства ранних арабоязычных авторов.

Когда в начале XX в. в Турфанском оазисе (Китайский Туркестан) были обнаружены манихейские документы на том же языке, что и тексты, лежащие в основе предшествующих этим находкам работ Залемана, но написанные другой разновидностью письма и без единой идеограммы, весь ученый мир должен был признать его правоту.

Упомянутый труд Залемана «Mitte'persisch», основанный отчасти на изданных, отчасти на рукописных текстах пехлевийского письма («Bücher-Pehlevi»), явился первым научным очерком грамматики среднеперсидского языка и составил целую эпоху в развитии иранского языкознания. Лингвистический уровень этой работы настолько высок, что она справедливо считается украшением «Grundriss'a и сохраняет свое значение до наших дней⁵⁰.

Столь же важное значение для истории таджикского и персидского языков имеет пехлевийский словарь-индекс, над составлением которого Залеман работал в течение 30 лет и который с исчерпывающей для того времени полнотой представлял лексику среднеперсидского языка. Этот замечательный труд не

⁴⁸ «Mittelpersische Studien» («Bulletin de l'Académie des Sciences...», t. XXXI, SPb., 1887, p. 417—450. «Mél. asiat.» vol. IX, 1888, p. 207—253).

⁴⁹ «Gr. d. ir. Phil.», Bd. 1, Abt. I, 1895—1901, стр. 249—332.

⁵⁰ В 1930 г. этот труд был переиздан в Бомбее.

был окончен автором. Материалы к нему хранятся в трех больших рукописных томах в Архиве Академии наук СССР⁵¹. Такие колоссальные по объему труды, как пехлевийский словарь, требующий от ученого десятилетний самоотверженного, самоотверженного труда, и нередко бывало так, что целой жизни не хватало для их завершения. Условия и стиль работы дореволюционных русских востоковедов, недостаточность и разобщенность научных сил, отсутствие широкой общественности, заинтересованной в их исследованиях, нередко приводили к тому, что такие незавершенные труды оказывались похороненными в архивах.

С начала XX в. и до самой смерти К. Г. Залеман занимался найденными в Китайском Туркестане документами на иранских языках. При переиздании⁵² дешифрованных Ф. Мюллером манихейских текстов из Турфана Залеман исправил допущенные немецким ученым ошибки и неточности (что вызвало положительный отклик такого крупнейшего лингвиста, как А. Мейэ⁵³), а приложенный к этой работе раздел «Zur Grammatik» явился блестящим дополнением к его прежней грамматике, основанной только на «Bücher-pehlevi». Материалам из Китайского Туркестана посвящены и все другие его работы последних лет жизни⁵⁴, за исключением статьи «Egānica»⁵⁵, в которой он опять возвращается к вопросам чтения Авесты, ахеменидской клинописи, пехлевийских текстов.

Большое значение для изучения истории таджикского языка, в частности его исторической фонетики, имели работы Залемана по так называемым еврейско-персидским текстам, лингвистическое значение которых было оценено им еще в 1884 г.⁵⁶ Эти написанные еврейским шрифтом на таджикском языке тексты позволили Залеману установить некоторые особенности

⁵¹ Из других неопубликованных работ К. Г. Залемана, имеющих первостепенное значение для истории персидского и таджикского языка, назовем «Библиографический обзор парсийских рукописей, хранящихся в Европе», которым он занимался много лет и довел почти до полного завершения (см. его статью «О результатах поездки, совершенной летом 1889 г. в Копенгаген». — Донесение адъюнкта К. Г. Залемана, читанное в заседании Историко-филологического отделения 3 октября 1889 г.), а также второй и третий выпуски еврейско-персидских текстов (см. о них ниже) и др.

⁵² «Manichaëische Studien» СПб., 1908.

⁵³ JA, 10 Sér, t. XIII, 1909, p. 312 sqq.

⁵⁴ Серия «Manichaica», I—V («Известия Академии наук», 1907—1913).

⁵⁵ «Известия Академии наук», т. VIII, 1914, стр. 795—808.

⁵⁶ В упомянутой выше рецензии на труд де Лагарда. См. примечание 41.

таджикской фонетики⁵⁷, отличающие ее от персидской, но скрытые от исследователя за оболочкой арабской графики. Как впервые выяснил Залеман, эти тексты могут дать материал для изучения не только нового, но и среднего периода в развитии таджикского и персидского языков⁵⁸.

Рядом с Залеманом стоит другой крупнейший деятель отечественной иранистики, его младший современник, проф. В. А. Жуковский. Не являясь историком языка, Жуковский тем не менее глубоко понимал необходимость ставить добываемые диалектографические материалы в связь с древними памятниками иранских языков⁵⁹. Изданные им критические тексты средневековых памятников таджикского и персидского языков⁶⁰ имеют значение не только для изучения истории литературы и истории культуры, но и для истории языка. В обстоятельных предисловиях к этим изданиям В. А. Жуковский отмечает «особенности языка автора и орфографии переписчика», оказывая этим неоценимую помощь историку языка. Особенно подробный анализ такого рода сделан в отношении сочинения «Кяшф-аль-Махджуб»⁶¹, относящегося к середине XI в. (древнейший список — XV в.).

Жуковским отмечены особенности встречающихся в этом сочинении грамматических форм и конструкций в именах существительных (например, употребление суффикса множественного числа *-ān* независимо от одушевленности или неодушевленности обозначенного именем предмета; употребление послелога *-gā* при именительном падеже и предложных сочетаниях; частое употребление *-gā* для выражения цели), в глаголах (свободное положение в предложении приставки *mī-*, сочетаемость ее с приставкой *bi-*, с неопределенным наклонением и причастием прошедшего времени, образование сложной формы будущего времени с пол-

⁵⁷ См.: C. Salemann, *Judaeo-Persica nach St.-Petersburger Handschriften. I. Chudāddāt. Ein judisch-bucharisches Gedicht* («Записки ИАН», т. 42, 1897, № 14). — Второй и третий выпуски этой серии с большим интересом ожидался в ученом мире (см. напр. Th. Nöldecke в ZDMG, Bd. LI, 1897, S. 553), но так и остались не опечатанными.

⁵⁸ См. его «Zum Mittelpersischen Passiv» («Известия Академии Наук», т. XIII, 1900, стр. 269—276).

⁵⁹ См.: В. А. Жуковский, *Материалы для изучения персидских наречий*, ч. I, СПб., 1888, стр. 111.

⁶⁰ «Жизнь и речи старца Абу-Са'ида Мейхенейского», СПб., 1899; «Тайны единения с богом в подвигах старца Абу-Са'ида», СПб., 1899; «Раскрытие скрытого за завесой» («Кяшф-аль-Махджуб»), Л., 1926. (Подготовка к изданию этого труда была закончена В. А. Жуковским в 1905 г. Труд издан посмертно его учеником А. А. Ромаскевичем) и др.

⁶¹ «Раскрытие скрытого за завесой», Предисловие, стр. 40—53.

ной формой инфинитива и т. д.) и в других частях речи. Отмечен также ряд интересных синтаксических особенностей.

Составившие эпоху в развитии иранского языкознания труды Залемана и Жуковского получили широкое международное признание⁶² и надолго упрочили приоритет отечественной науки в ряде областей иранистики. Деятельность этих ученых заложила прочную основу для дальнейшего развития иранского языкознания на Факультете.

Несмотря на высокий уровень постановки иранистических дисциплин на Факультете в конце прошлого — начале нынешнего столетия, на их преподавании отрицательно сказывался искусственный разрыв, выражавшийся в том, что одни из этих дисциплин (главным образом древние иранские языки) слушались только студентами санскритско-персидско-армянского разряда, а другие (преимущественно «новоперсидский» язык и литература) только студентами арабско-персидско-турецко-татарского разряда. Потребность в объединении всех иранистических дисциплин в составе одной кафедры осознавалась уже в первые годы XX в. В 1901 г. вопрос об организации кафедры иранской филологии (наряду с кафедрой персидской словесности) был поднят в подписанном В. Р. Розеном и В. А. Жуковским представлении ректору Университета. Но создана кафедра иранской филологии была лишь в последний год жизни К. Г. Залемана — в 1916 г. С этого времени изучение и преподавание истории персидского и таджикского языков стало стержнем всей научно-педагогической деятельности новой кафедры, возглавлявшейся с первых лет советской власти учеником акад. Залемана членом-корр. АН СССР, проф. А. А. Фрейманом. Однако деятельность кафедры в этот период уже выходит за рамки настоящей статьи.

⁶² Их работы по изучению многочисленных иранских языков и диалектов были высоко оценены XII Международным съездом ориенталистов [см.: С. Ф. Ольденбург, *Индийская и Иранская секции на XII съезде ориенталистов в Риме* (ЗВОРАО, т. XII, 1899, стр. 068)].